

Любовь к Верди

Как Москва отметила великую кончину

Это где-нибудь в Милане или Нью-Йорке прогремело: сто лет назад умер Верди — да здравствует Верди! Москва отметила величественную дату тихо. Филармония приготовила порцию арий маэстро (своими силами и в своем, имени Чайковского, зале). Молоденькая "Арбат-опера" устроила вечер в окраинном Царицыне. Новая Опера в родных стенах исполнила "Реквием" виновника торжества, который и оказался самым ярким розаном в скромном венке "От благодарных москвичей".

Эксклюзивность колобовского цветка заключалась не в названии — "Реквием" давно в репертуаре театра, и не в исполнении — его незаурядность была предсказуема. Эксклюзивность происходящему сообщило то, что театр оказался единственным из всех столичных музыкальных, кто почтил память великого итальянца, и то, что команду солистов специально для этого случая подбирала Любовь Казарновская. А где она — там театр с его цветением интриги. Интрига вечера в Новой Опере: каков окажется импресарский вкус певицы и на какой стадии борьбы за собственный угасающий голос находится она сама? Второй вопрос так и не разрешился — накануне концерта Казарновская,

предназначавшая партию сопрано для себя, заболела. Но ее команда вышла на поле.

В ней был красавец-бас 25 лет, соблазняющий своим роскошным, замечательно "сделанным" голосом кого угодно, но не земляков-москвичей. По этому соображению — отечество должно знать своих героев — Казарновская и ангажировала Станислава Швеца в свой проект. Но герой отчаянно "плавал" в материале, то ли не успев выучить текст, то ли не совладав со стилем вердиевской мессы.

Теноровая партия была отдана итальянцу, которого Казарновская упорно рекомендует восходящей звездой мировой оперы. Почему звезда по имени Серджио Панайя, десятый год прокладывающая себе дорогу на небосклон, все никак не достигнет апогея, Москва уже имела возможность догадаться (Панайя пел с Казарновской в колобовской постановке "Сельской чести" в прошлом сезоне и в ее рождественских шоу этого года). Теперь он лишь дорисовал свой вокальный портрет: настоящей кантиленой не владею, мастерить piano могу с трудом, из всех красок знаю две — "пионерскую" и "сиротскую". В довершение оказалось, что он тот "гвоздь", который никакими силами

не вбить в доску, то бишь в ансамбль. Ансамбля и не будет. За исключением тех случаев, когда сохлослись в дуэте сопрано и меццо, вполне сопоставимые на пространстве этого "Реквиема" как по фактуре, так и по уровню мастерства. Хотя одна певица известна только за всегдатаям Новой Оперы (Татьяна Смирнова, "с колес" заменившая Казарновскую), а другая прославлена и ангажирована лучшими театрами мира, число которых, впрочем, сокращается. Стефания Точиска, а речь о ней, немолода. Но ее возраст лишь иногда выдавало дребезжание на верхах. В остальном меццо польки (давно обосновавшаяся в Австрии) — это девичья легкость и стильность.

Резюме: Казарновскую в роли импресарио освистали бы где угодно. У нас ей нужно и должно рукоплескать. Без пестрой команды приглашенных ею Новая Опера ничего б не потеряла, но Москва бы не приобрела розана в веночек, над оригинальностью которого поленилась потрудиться сама. Дай колобовцы "Реквием" своими силами, "Реквием" вышел бы цельнее — да торжества бы не получилось. Поскольку нет торжества там, где нет эксклюзива.

Лариса ДОЛГАЧЕВА

Колобовский эксклюзив — это не только любовь к Верди, но и любовь к себе.